КРОКОДИЛ

№ 25 (1711) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 10 СЕНТЯБРЯ 1963

Дуэт галльского петуха и пекинской утки.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

РЕВИЗОР: — Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать. Если кто не спрячется, я не виноват!..

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Книжки про меня

— Разрешите представиться: кролик. Типа позвоночных. Класса млекопитающих. Отряда грызунов. Семейства зайцев. Короче говоря, тот самый, про которого книжки издают.

Где, спрашиваете, издают? А повсюду. В Москве и Липецке. В Свердловске и Кишиневе. В Казани и Тамбове. В Кустанае, Иванове, Майкопе, Красноярске, Саратове, Саранске, Пензе, Йошкар-Оле... Прошу прощения, при моей кроличьей памяти всего не упомнишь.

Интересуетесь, кто эти книжки выпускает? А все, кому не лень. Центральные издательства. Областные издательства. И министерские. И кооперативные. И даже — если вру, снимите с меня шкурку! — Даугавпилсский педагогический институт. Он, знаете ли, предал гласности исследование «Темпы линьки волосяного покрова кроликов». Может быть, вы со мной и не согласитесь, но, на мой кроличий взгляд, это очень крупная педагогическая проблема.

В общем и целом мы на издателей не жалуемся. За последние пять лет одиннадцать книжек призывали: «Разводите кроликов!» Восемь назывались чуть иначе — «Разведение кроликов». Пять — «Как разводить кроликов». Семь — коротко и ясно: «Кролиководство». А в девяти трудах разбирались — дай бог здоровья издателям! — наши кроличьи недуги.

Было еще несколько книжек про наше кормление. И особо — про клетки для нас. И всякие разные памятки. И справочники. И специальный кроличий, то бишь кролиководческий, календарь. Вы даже вообразить не можете, как это интересно!

А еще вышла недавно такая занятная книжка — «Кролик мал, но доход велик». Сочинителя я точно не знаю, но думаю, что это кто-нибудь из постоянных авторов. Ох, и плодовиты же! Словно кролики...

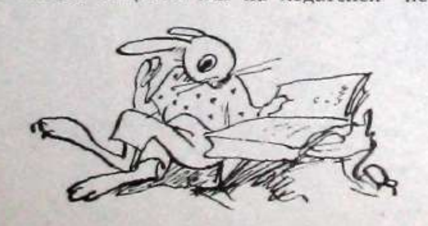
Сперва товарищи Ким и Вагин выпустили вместе книжку «Выращивание кроликов на мясо». Потом разделились, интенсивно поработали и выпустили по самостоятельному труду. Впрочем, оба труда называются одинаково: «Интенсивное выращивание кроликов на мясо».

Кроликовод-литератор товарищ Никитин выпустил последовательно «80 советов кролиководу», «100 советов кролиководу» и просто «Советы кролиководу». Да еще, кроме того, «Кролиководство» (сразу в Смоленске и Казани). Да еще авторитетную рекомендацию «Как организовать кролиководческую ферму, чтобы она была доходной».

Товарищи же Квапиль, Лепешкин, Елисеева и Бибяев выступили со своей «Памяткой кролиководу» сразу в Москве и Казани. И вышла та «Памятка» в шестидесяти двух тысячах экземпляров.

А общий тираж посвященных мне сочинений перевалил уже — по милости Сельхозгиза, Сельхозиздата, издательства Центросоюза, Ташкнигоиздата, Казгосиздата, Башиздата, Крымиздата, Фотоиздата, издательства «Московский рабочий» и многих иных — за два миллиона. Если дальше так пойдет, выпустят, пожалуй, по книжке на каждого кролика. Что ж поделаешь, будем дружно, всем поголовьем учиться грамоте...

Беседу стенографировал
С. ШЕВЕЛЕВ.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Братец кролик, по-моему, прав. Но такова уж у него натура: малость близорук. Загляни он подальше, не один бы еще пример такой плодовитости обнаружил.

Вот, скажем, «Академкнига» выпустила недавно т и р а ж о м в 15 т ы с я ч э к з е м п л я р о в развеселую брошюрку — «Список уцененных книг». Что же хотелось бы издательству распродать по нужде со скидкой в пятьдесят, шестьдесят, даже семьдесят пять процентов? А вот что:

«Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (326 страниц), «Каталог озер Карелии» (239 страниц), «История эмбриологии с середины девятнадцатого до середины двадцатого века» (627 страниц), «Бычки-подкаменщики Байкала» (604 страницы), «Веслоногие рачки» (441 страница)... Всего двести пятьдесят четыре названия. Сколько уж лет пылятся эти мощные фолианты на полках — и никто не берет!

Кто знает, может быть, следует думать о предстоящей уценке заблаговременно?..

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

Летун

Директору завода Привальцеву позвонили из управления:

— Как у вас с летунами?

— А никак,— самодовольно усмехнулся Привальцев,—нет у нас летунов.

В трубке помолчали, а потом мрачно сказали:

— Бахвальство вам вроде бы ни к чему, товарищ Привальцев. Вопрос серьезный. Актуальный. Видно, вы не готовы к ответу. Подготовьтесь. И доложите по-деловому. Ждем.

— Ух ты! — сказал Привальцев, мгновенно вспотев.— Действительно, как-то не того... Не очень правдоподобно выглядит. Завод большой, людей много — и ни одного летуна. М-да...

Он снял телефонную трубку и соединился с начальником отдела кадров.

— Слушайте, Колосихин, такая, значит, петрушка: летуны у вас есть в наличии?

— Кто? Летуны? Нет.

— А вы не бахвальтесь. Не к лицу. Посерьезнее надо. По-деловому. Подумайте: есть летун? Хотя бы один?

— Ни одного.

— Эх, Колосихин, поймите вы, нужен летун! Ерундовый какой-нибудь, завалящий летунчик, а?

— Да где же я вам возьму, если нету?

— Вы бросьте свое «нету»! — разозлился Привальцев.— Это легче всего — отмахнуться. Сказано, надо,— сделайте!

— Странно вы рассуждаете...

— А вы вечно возражаете!

— А вы просите невыполнимого!

— Я не прошу, я приказываю. Ясно? Пока еще я здесь директор!

— Товарищ директор, я вам не жена. Ясно? И вы на меня не кричите, иначе...

— Молчать!

— Рот не заткнете.

— Ах, так? Вам не нравится? Можете подавать заявление об уходе.

— Что ж, кланяться вам не намерен. Считайте, что мое заявление у вас на столе!

* * *

Через час Привальцев докладывал в управление:

— Есть летун! Один. Но зато какой! Сам начальник отдела кадров сбежал! Вот стервец! А я на него так надеялся!..

Г. ЩЕГЛОВ

Вундеркинд

...— Ну, а как сын? За эти четверть века, что мы с тобою не виделись, он, должно быть, во многом преуспел? Ты ведь еще с пеленок считал его вундеркиндом.

— Да, когда моему Славику было только шесть лет, он уже играл в шахматы почти, как чемпион э-э-э... как его?

— Ботвинник?

— Во-во, Ботвинник! В матче дошкольных детских учреждений участвовал.

— Ну, а сейчас?

— М-да... А когда Славику было восемь лет, то он всех удивлял своим красноречием, как... э-э-э... как его? Ну, который в древности, при римском самодержавии...

— Цицерон?

— Во-во! Истинный Цицерон... Бывало, так соврет складно, что невольно поверишь.

— Ну, а сейчас-то кто он?..

— А когда Славику исполнилось десять лет и он начал брать уроки музыки, то уже вскоре играл, как... э-э-э... как его? Ему сейчас столько же лет, сколько и Славику.

— Ван Клиберн?

— Во-во! Ван Клиберн! Весь в него, и пальцы такие же длинные. А для музыканта это — первое дело.

— А сейчас?..

— А когда моему Славику было четырнадцать лет, он уже был изобретателем, как... э-э-э... как его? Ну, который силу тока измерил? Славик как раз тогда его по физике проходил.

— Ампер?

— Во-во, Ампер! Помню, Славик в школе такое короткое замыкание устроил, что весь кружок юных техников, исправляя проводку, два дня возился.

— Кто же он теперь наконец? Инженер, музыкант, шахматист?

— Да нет, он пока дома сидит. О будущем своем мечтает. И так у него здорово это выходит, как... э-э-э...

— Как у Манилова?

— Во-во!.. Постой, а кто такой Манилов, чем он прославился?

г. Ленинград.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

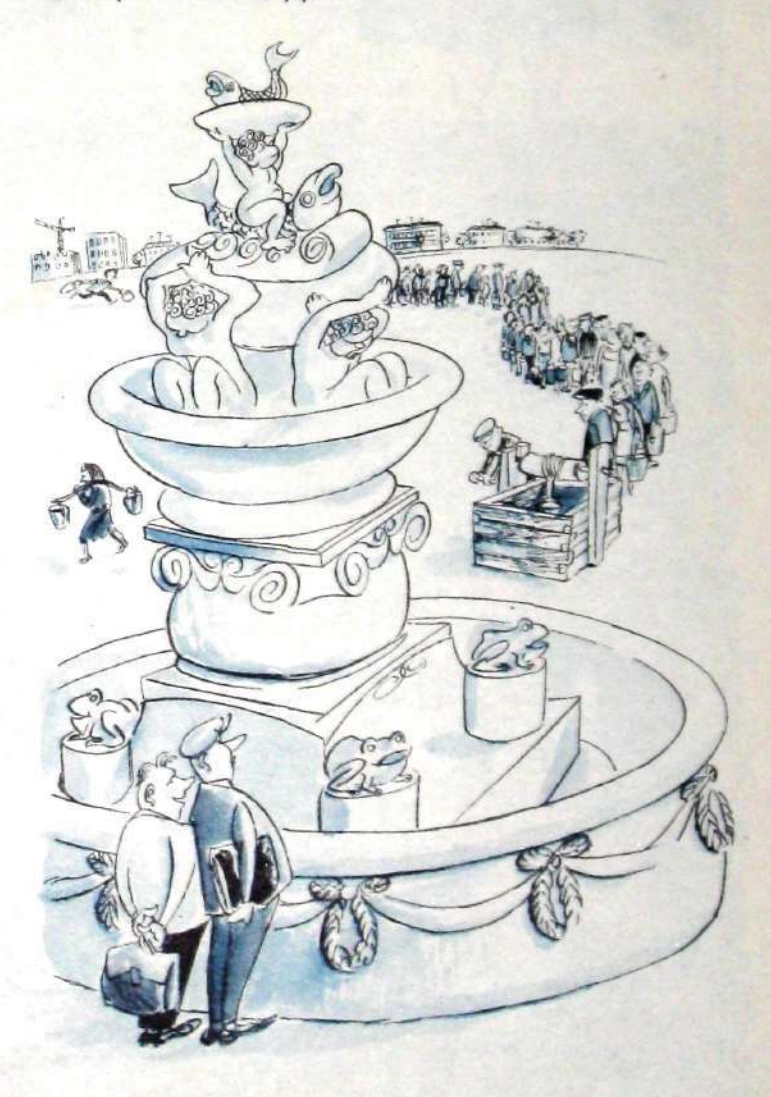
КИПЯ ОТ ВОЗМУЩЕНЬЯ...

Сучков все время проводил
За чтением журналов,
В библиотеку заходил,
Брал «Огонек» и «Крокодил»,
Газет читал немало.
Но он читал один раздел,
Один столбец в «подвале» —
О рекордсменах темных дел:
Кто что украл, на сколько сел
И что конфисковали.
И каждый новый фельетон
Про злостные хищенья
Читал своим знакомым он,
Кипя от возмущенья:
— «...Две дачи выстроил завмаг
Из левых матерьялов...»
Вот расхититель! Вот дурак!
Одной как будто мало!
«...Три миллиона загребли
Работники «Райптицы»...»
Вот идиоты! Не могли
На двух остановиться!
«...Любовниц трех себе завел
Главбух пивного зала...»
Вот разложенец! Вот осел!
А двух любовниц мало?

Дельцам, хапугам приговор
У нас выносят строго.
Сучков на воле до сих пор:
Сказать, что жулик он и вор,
Пожалуй, слишком много.
Не разбивал чужих сердец,
Не крал стройматерьялы...
Сказать, что мелкий он подлец,
Пожалуй, слишком мало!

г. Ленинград.

«ОТЦЫ ГОРОДА»

— Фонтан отгрохали! Первоклассный! Теперь можно подумать о водокачке...

Рисунок Б. САВКОВА

— Вот что значит, Петров, пропускать уроки русского языка!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

А. КАРАСЕВ, С. РЕВЗИН

Сказано — сделано

Прораб дал слово на собранье:
— Я заверяю исполком,
Что мы приложим все старанья
Сдавать
лишь на «отлично» зданья,
Мы, так сказать,
не подведем!
К приемке здания готовы,
И убедиться все смогли:
Строители сдержали слово,
Действительно
не подвели.
И это не пустая фраза:
Закончив все свои труды,
Они не подвели...
ни газа,
Ни отопленья,
ни воды.

Андрей ВНУКОВ

Всесторонняя критика

Кто знал тихоню дядю Ваню,
Поверил вряд ли бы тому,
Что он начальству своему
Устроил форменную баню:
— Я вас разоблачить сумею,—
Сказал — и вмиг разоблачил.
Без лишних слов намылил шею,
Головомойку учинил,
Затем он шефу поддал пару
Да так нещадно отхлестал,
Что тот, бедняга, с пылу-жару,
Как рак вареный, красным стал
И целый час лежал пластом,
Вздыхая тяжко, на диване...

А с дядей Ваней что потом?
Потом он сам помылся в бане!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ СКУЧАЕТ...

Неприятности начались в то погожее лето, когда Иван Степанович Нефедов, сорокапятилетний, почти совершенно здоровый полковник, вышел в отставку и, как многие другие, стал пенсионером.

Месяц-другой он беспечно отдыхал. Но вскорости праздный образ жизни стал мало-помалу надоедать. Захотелось, как до службы в армии, взяться за рубанок и стамеску, вспомнить свою мастеровитость, тряхнуть стариной. Иногда он заходил в промкомбинат, к другу юности, и там за его верстаком отводил душу: помогал делать парты для подшефной школы.

— Придется и для Нефедова верстак поставить! — шутили столяры в комбинате.

— А почему бы и нет? — обрадовался Иван Степанович.— Два-три дня в неделю вполне могу работать. Больше не сдюжу, а за несколько часов, уверен, даже доктора похвалят.

Директор комбината насмешливо поморщился.

— Что ж, ежели зуд в руках почувствовал, нанимайся, как все, и работай, пожалуйста, каждодневно по семь часов. А то как-то чересчур оригинально получается — через день по чайной ложке.

Про себя же директор рассудил: «Лишний верстак — лишняя площадь. Новый человек — новый наряд! Дела на грош, а мороки на весь целковый!»

Неделю-другую Иван Степанович никуда не ходил. Привел в порядок сквер во дворе. Увлекся рыбной ловлей. И все же тянуло к верстаку. Пробовал пристроиться на мебельной фабрике — встретил такой же прием, что и на комбинате: хочешь работать,— засучивай рукава на всю смену, на шесть дней в неделю.

Но так засучивать рукава он уже не мог: силы теперь не те.

Не вытерпел, пошел за поддержкой в райвоенкомат. Там задумались, посочувствовали и развели руками. Мол, что поделаешь, дорогой Иван Степанович, коль это не принято? Не всякий хозяйственник по доброй воле возьмется за такое хлопотное дело. Посоветовали обратиться в райисполком.

В райисполкоме сперва улыбнулись. Потом тоже впали в раздумье. Человек печется прежде всего не о заработке — он обеспечен хорошей пенсией,— а о том, чтобы пользу приносить.

— Давайте подсчитаем, сколько таких Иванов Степановичей, как я, в районе! — настаивал пенсионер.

Подсчитали. Получилась солидная цифра. Четырехзначная! Оказывается, в одном Новопромышленном районе города Калинина тысячи таких Нефедовых.

— А во всем городе?

Тоже подсчитали. Получилась уже пятизначная цифра. В областном центре десятки тысяч Нефедовых, и добрая половина из них в добром здравии. Позабытая армия! И если б они работали хоть по нескольку часов в неделю, уйма было бы добавочной продукции. Скучают, слоняются без дела столяры и слесари, электрики и портные, каменщики и маляры...

В конце концов собеседники беспокойного Ивана Степановича не только перестали шутейно улыбаться, а даже крепко задумались, как и подобает руководящим мужам.

Лучшим выходом из положения был признан такой: попросить руководителей предприятий обдумать, как организовать на общественных началах мастерские для пенсионеров.

Думают хозяйственники. Крепко шевелят мозгами...

А Иван Степанович? Он, как и раньше, сидит на завалинке и скучает по рубанку да по стамеске.

Петр ДУДОЧКИН

г. Калинин.

Списать — и баста!

«Списать» — любимое слово руководителей Бакинской автобазы Азериттифака (союза потребительских обществ АзССР). Здесь списывают все, что можно, и даже то, что совсем нельзя. Поломалась автомашина — списать! Испортился двигатель — списать! Исчезли неизвестно куда запасные дефицитные части—списать их к чертовой бабушке и не морочить себе голову поисками! Попался работник не по нраву — спи...

— Ну, это уж вы загнули! — скажет читатель.— Как можно списать живого человека?

Оказывается, можно. Во всяком случае, такая операция блестяще удалась директору автобазы Завену Левоновичу Акопову.

Но, конечно, не сразу. Предварительно он понрактиковался на бездыханных предметах и набил себе руку на всякой мелочи. Так, в мае прошлого года были списаны «как пришедшие в негодность» аккумуляторы, камеры и прочие мелочи больше чем на 3 500 рублей. Как они могли прийти в негодность, не побывав в работе ни одного дня, известно только аллаху да еще товарищу Акопову.

В августе и декабре на легковую машину «Волга» № 00-96 списано два новых двигателя. Выяснилось, что один из них был получен без всяких на то оснований. А списаны без оснований оба. И много было еще всякого разного подобного.

Неоценимую квалифицированную помощь в операциях «списать, ежели тебе того хочется», Акопову оказывает его правая рука, старший бухгалтер автобазы Мнацаканов. Этот бесстрашный, мужественный человек в течение двух лет был дважды наказан за нарушения финансовой дисциплины, вольности в учете и прочие шалости. Но не согнулся могучий дуб! Мнацаканов продолжает действовать так, как угодно ему и Акопову.

И все было бы хорошо. Но среди работников автобазы выискался придирчивый, строптивый человек. Массовые списания материальных ценностей ему пришлись не по душе. Нравится эта система Акопову, нравится Мнацаканову, нравится секретарю парторганизации Айвазову. А вот ему, главному инженеру автобазы Ахмеду Кулиеву, не нравится! Ну, если у тебя такой скверный характер и тебе не все нравится,— помалкивай. Так нет! Кулиев дошел до того, что высказывает свою точку зрения вслух:

— Нельзя же списывать без разбора все, что в голову придет, Завен Левонович!

— Смотря в чью голову. То, что в мою взбредет, можно списывать,— находчиво отвечает директор.

— Для ремонта машин людей привлекаем с улицы, большие деньги им платим, как будто своих рабочих не хватает.

— Уй-уй, какой капризный человек! Всякая ерунда лишает его сна и покоя. Не из твоего же кармана им платим!

— Как не лишиться покоя! Забулдыгам и аварийщикам даете новые машины, а опытные водители ездят на развалюшках.

— И правильно поступаю. На хорошей машине и разиня сумеет натянуть план, а на плохой—хороший водитель выручит, не подведет. Сам подумай, дорогой, что будет, если и машина — дрянь и водитель — лодырь? Чего ждать от такого сочетания?.. Но, как я понял, ты высказываешь в мой адрес критические замечания?

Вместо того, чтобы раскаяться, окончательно распоясавшийся инженер попросил директора принять меры против всяких безобразий.

— Конечно, приму, дорогой Ахмед! Знаешь, что я сделаю? Я спишу... тебя!

— Как так спишете? — изумился инженер.

— А так. Инженер вроде тебя мне нужен, как пятое колесо. Мы с тобой, как я вижу, дорогой, не сработаемся. Давай списывайся сам, пока не поздно.

Списываться по собственному желанию Кулиев не захотел, но «списание» все же состоялось. «Пятое колесо» было уволено по сокращению штатов. В скобках скажем, что никакого сокращения делать было не нужно. И все же единственный на базе специалист с высшим образованием коммунист Кулиев оказался за ее воротами.

Он пошел со своей обидой к председателю Азериттифака А. Азизбекову (ныне уже бывшему председателю) и попросил защиты.

— Странно! Как я могу вам помочь, если вас уволили с моего согласия? — удивился Азизбеков.— Директор говорит, что вы плохой работник.

Кулиев в ответ предъявил характеристику, подписанную Акоповым. Из нее явствовало, что такого хорошего специалиста и прекрасного человека, как Кулиев, свет еще не видывал.

Но Акопов, услыхав об этом, не смутился.

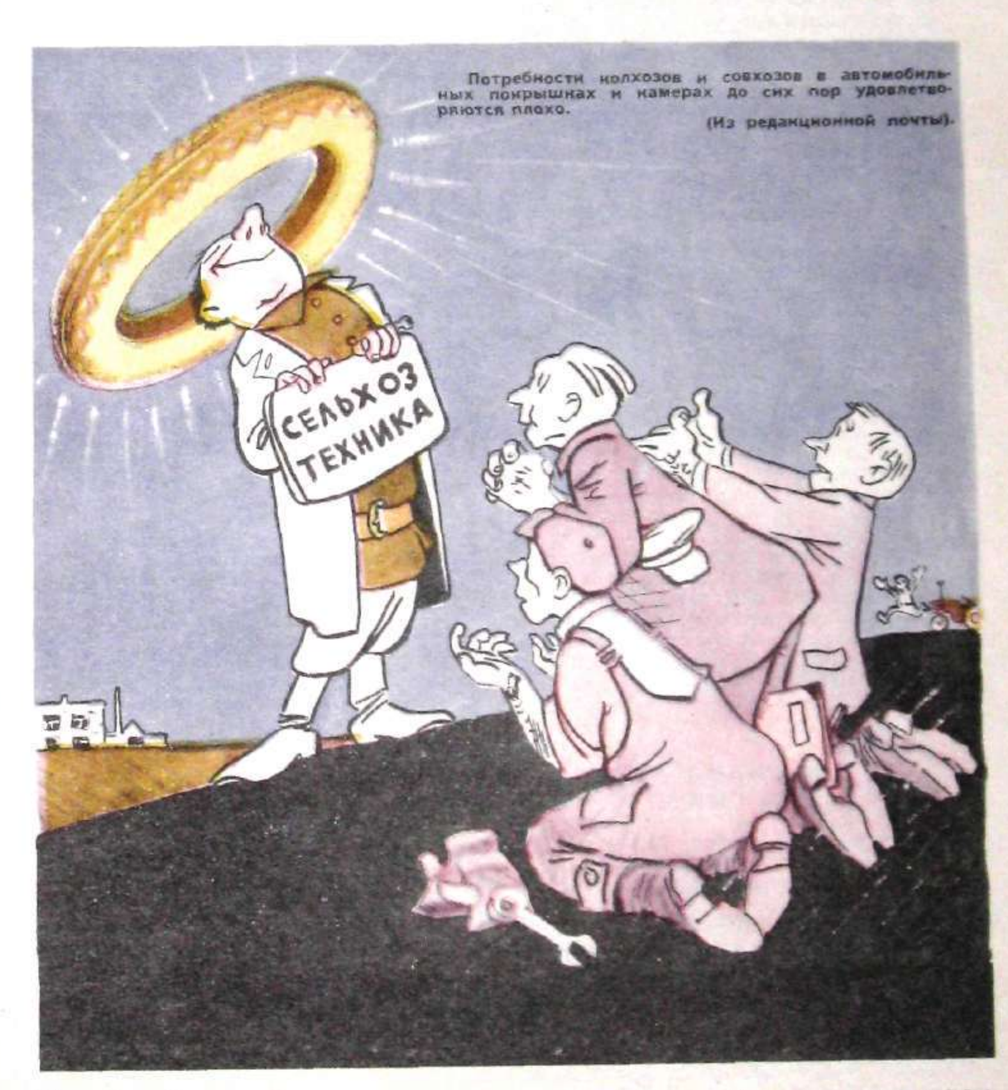
— Это я дал ему такую характеристику, когда он еще был хороший и не совал своего носа куда не следует,— объяснил он.— А теперь характеристика устарела. Я ее... спишу.

И списал как пришедшую в негодность. И сочинил новую, по которой Кулиев оказался извергом рода человеческого.

Попытались заступиться за Кулиева профсоюзные организации. Но ничего из этого не получилось. Не захотел Акопов восстанавливать в должности чересчур глазастого инженера. И пребывает по сей день Кулиев в «списанных».

С. АББАСОВ

г. Баку.

Новейший святой.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Так принято

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Завелись две мышки-норушки. И в таком месте, что и поверить затруднительно. В самолете.

Откуда они там появились, для науки осталось загадкой.

Так или иначе, а в Магаданском аэропорту этот увлекательный инцидент возьми да и случись. Вырулил самолет на старт, а по полу салона мышки зашмыгали.

Пассажиры, естественно, поджали ноги и стали требовать жалобную книгу.

А летчики задумались. Мышка, конечно, не ахти какой зверь, но неприятность причинить может.

Связались с санэпидстанцией. Так, мол, и так, ребята, берите ваши мышеловки — и за дело.

Санэпидребята удивлялись слабо и недолго. Спросили деловито:

— Какой номер?

— Что значит «какой номер»? — не поняли летчики.

— Какой номер заказа на отлов двух мелких животных? И кем подписан также?

— Никем не подписан! — взмолились летчики.— Нам же лететь надо, а сами ловить не имеем права! Хоть какую ни на есть кошку пришлите!

— Вот перечислите деньги на наш счет в банке, тогда поставим вас на очередь,— был ответ.— Казенные рубли нынче принято считать до копейки.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Тучки небесные нежно терлись о прибрежные сопки. Море нервничало и воняло рыбой. У причала под звуки гармоники перегружали улов из сейнера в старенький грузовик.

— Эй, гражданин! Гражданин, который головой вертит! Руки уверх!

Это он мне кричал. Руки я поднял. Он подошел.

— Ты что это с «авоськой» берегом шастаешь?

Что было делать? Я сказал, что, видимо, утопиться хочу и место выбираю поудобнее.

— А рыба в «авоське» отчего?

— Для груза,— пояснил я.— Чтобы на шею вешать.

— Вот я те покажу, для груза! — рассвирепел он.— Как стрельну у воздух! Знаем мы вас, тунеядцев!

Потом мы сидели в конторе и продолжали беседовать, пока из магазина не пришла специально вызванная продавщица. Продавщица опознала меня и сказала, что рыбу я действительно покупал в магазине.

Нас с продавщицей отпустили. Списали с паспортов места прописки и отпустили.

Народное добро берегли свято.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

— Леня, где у нас скрепки лежат? И капни мне чернил, пожалуйста! Между прочим, тут в одной графе масло как-то не приплюсовывается.

Через полчаса масло приплюсовалось.

— Леня, извини, под тобой, кажется, та папка лежит? Ах, это Эдик на нее сел! Передайте мне ее, пожалуйста.

Эдик передал папку с малиновой надписью «К докладу».

Еще через час:

— Леня, пускай Эдик мне поможет. Эдик, сходи, пожалуйста, за чистыми бланками, а потом заполни вон ту ведомость.

Эдик помог.

— Леня, ты тут в двух местах расписаться забыл. На вот, распишись, будь добр!

Леня расписался: «Командир самолета Л. Рубанков».

— Вот,— сказал он.— Теперь по этой охапке бумаг будет ясно видно, что рейсов «налево» мы не делали, государственным бензином на рынке не торговали и вообще вели себя в воздухе, как паиньки.

Была суббота. Самолет воздушной разведки патрулировал над тайгой в поисках лесных пожаров. Сидя в грузовом отсеке, второй пилот Николай Алешин ликвидировал долги за неделю по незаполненным бумажкам.

Так у них в аэрофлоте принято было. Чтобы государственные рубли не разбазаривались.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ,

ради которого рассказаны три предыдущих

Бензовоз, на котором мы ехали, дернулся и забуксовал. Промывочный прибор намывал золото прямо из дороги, распуская вокруг себя мутные ручейки.

— Тысяча рублей у вас есть? — спросил шофер.

— Нету,— сказал я.

— Зря. А то вот если здесь застрянем, можете сходить насчет золотишка поинтересоваться. Тысяча рублей вот такая кучка.

Так на Тенькинской трассе я впервые почувствовал, что такое первородное, сыпучее золото.

Его искали.

Его открывали.

Его намывали.

Его воровали.

Его продавали тут же на вынос по божеской цене — тысяча рублей кучка.

Единственным препятствием являются различные инструкции и правила, воровать не разрешающие.

В них говорится, например, о том, что съем золота должен производиться в конце смены специальной комиссией. С оформлением специального акта.

Существует и еще множество подпунктов, не менее огорчительных для жуликов.

Но только так уж случилось, что на приисках подход к инструкциям сугубо творческий.

Скажем, так. Иногда золото снимает не комиссия. Один человек. Без акта.

Иногда этот человек сам уже несколько раз сидел за хищения.

Остальные подпункты правил и инструкций нарушаются также иногда.

А иной раз и вся инструкция позабывается начисто.

— Не только золото,— пояснил мне председатель областного комитета партгосконтроля Б. В. Смирнов,— а и всю установку украсть недолго.

Я думал, что он шутит. Он не шутил. В одной из старательских артелей был действительно обнаружен краденый экскаватор. Экскаваторщик соседнего прииска уволок его с полигона и продал за 5 тысяч рублей.

— Привыкли у нас как-то к этому,— сказал мне все тот же Смирнов.— Такое уж ротозейство.

Такое ротозейство даже жуликам невыносимо.

Один из главных обвиняемых на проходящем сейчас в Сусуманском районе процессе, Б. Зубков, написал в свое время начальнику прииска «Широкий», на котором они крали золото, письмо. В письме он описал, как и когда они «работают» и что нужно предпринять, чтобы пресечь воровство.

— Зачем вы это сделали? — удивились следователи, когда Зубков все-таки попался.

— Денег уже накопил достаточно, закруглиться хотел,— ответил тот.— Да только красть было так легко, что остановиться самому невозможно. Вот и сообщил на прииск: думал, поспособствуют, закроют лазейки. Не помогло, пес его задери!

Прокуратура занимается сейчас несколькими группами расхитителей золота. Только в прошлом году у арестованных жуликов было изъято 86 килограммов золота.

Число ворованных килограммов все увеличивается. В совнархозе считают причиной этого рост производительности. Чем больше добывается золота, тем больше можно украсть.

В следственных органах думают, что это не так. Просто прокуратура лучше работает, количество изъятого золота и растет.

Однако и те и другие считают, что с воровством совладать можно.

С ротозейством, по-видимому, тоже. Ведь есть же на Колыме ненарушаемые инструкции! Есть даже бюрократы, буквоеды этакие, ни на шаг от них не отходящие. Ведь есть же они! Свои собственные! Бдительные такие! Железные! Вот взять бы их, да и...

На этом месте Крокодил вынужден прервать своего специального корреспондента Е. МАТВЕЕВА, который так некстати заговорил о бюрократах и формалистах в недопустимо теплых тонах.

Магаданская область.

Галим ДАВЛЕТОВ

ПОЖАРНЫЙ ЗАЙНУЛЛА

На пожаре
Вял и хвор он,
Но, когда ведет осмотр
Отопительных приборов,
Зайнулла здоров и бодр.
«Это что же за беспечность:
Небеленый... дымоход!» —
Он кричит,
А сам у печки
Так и кружится, как кот!..
Чует жареное мясо...
«Нарушений сколько!
Масса!
Почему в печурке
Спички?
Чтоб пожар возник от вспышки?
М-да, очаг небезопасен...
Плитку ставите под шкаф!
Ну, так вот:
Я вас обязан
Наказать! Платите штраф!»
Вдруг за печкою
Пол-литра
Обнаружил Зайнулла —
Сразу смолк
И с миной хитрой
Сел на кухне у стола!..

Перевел с башкирского
Иван ЗАКОНОВ.

Периферия, на которую они едут с удовольствием...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Иронические строки

Сапоги:

— Какая низкая культура! Лезут ногами прямо в душу!..

— Что ж, начнем научный диспут,— солидно произнесли бараны и, разогнавшись, стукнулись лбами.

— Лодка?.. Г-м... Работает она на реке как будто и ничего, но вот беда: скользит по поверхности.

Шар как-то попал в начальство и с тех пор легко перелетал с должности на должность, поднимаясь все выше и выше... Когда же лопнул, то все удивленно воскликнули:

— А шар-то пустой!

Валентин ЧЕМЕРИС

г. Днепропетровск.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Б. СУХАРЕВСКИЙ

У меня был знакомый поэт.

Поэт был как поэт — вечно ходил *хмурый, искал корневые рифмы,* завидовал Блоку и Ахмадулиной и усиленно самовыражался. И вдруг он написал песенку. Веселую, остроумную, даже сатирическую. Как это у него вышло, он сам не мог объяснить и поначалу даже испугался. Но факт оставался фактом: песенка была написана, она жила, беспечно размахивая рифмами-крылышками...

Что-то с ней нужно было делать.

— Ты ее продай,— посоветовал знакомый эстрадник.

Поэта покоробило странное словцо, однако он спросил:

— Кому?

— Людям из царства смеха,—ухмыльнувшись чему-то, ответил эстрадник.

Царство смеха поэт нашел *по адресной книге.* Оно было похоже на обычное городское учреждение, однако жители его значительно отличались от обычных горожан. По гулким коридорам порхали люди в плащах самых неестественных цветов. Они находились в вечном движении, ежеминутно сбегаясь и разбегаясь. Иногда, сбившись в *радужную стайку, они* выбегали на улицу и, поплескав там ручками, снова возвращались назад. В коридорах стоял слитный шум, как в бане. За закрытыми дверями разучивали сразу десять музыкальных пьес.

Поэт, потоптавшись, открыл первую дверь. Мужчина без галстука кружился на пуантах вокруг телефона. *Описывая стремительные круги, он кричал в трубку:*

— Понимаете, она хочет выступать в костюме Евы!.. Да, да, Евы! Как что? У вас есть расценки на костюм Евы? И у меня нет расценок на костюм Евы! Срочно выясните, где их можно достать! Да, да!

Увидев поэта, мужчина прикрыл ладошкой голую грудь и закричал:

— Вы разговорник?

— Не сказал бы,— смутился поэт.— Я по натуре молчалив.

— Ха! — рассердился мужчина.— У него есть время шутить! Что у вас?

— *Песенка...*

— Песенки нужны завтра к тринадцати *ноль-ноль!*

— А до тринадцати ноль-ноль,— *робко осведомился поэт,— песенки никому не нужны?*

— Никому! — *отрезал мужчина.— Алло,* алло! — закричал он вслед уходящему поэту.— Передайте там: в час *профгруппа у* разговорников, пусть готовятся!

...В следующей комнате девушка в купальнике стояла на голове. Она молча погрозила поэту ногой. Поэт выскочил в коридор и решил в двери не заглядывать.

Пестрые люди порхали по-прежнему. Постепенно поэт начал улавливать в шуме обрывки разговоров. Высокий юноша в фиолетовой куртке на бегу выкрикивал:

— Братцы, кому нужен соавтор?

Юноша пониже деловито спросил, взяв высокого за пуговицу:

— Кто соавтор?

Высокий улыбнулся тридцатью двумя *золотыми зубами.*

— Сатирик, репризер, куплетист!

— Толкач?

— Нет, сам пишет.

— Ага!.. Мне лично не нужен. Но я поспрошаю.

Высокий ускакал *в глубь коридора. Деловитый остановил пухлую даму в экзотическом ожерелье:*

— Скажите, вам нужен соавтор?

— Зачем? Я угадываю мысли.

— А-а... Простите.

Поэт тоскливо оглянулся, ища поддержки. Она появилась неожиданно. Молодой человек спортивного вида бежал к нему, расшвыривая встречных:

— *Новенький? Салютик! У тебя что?*

— У меня? Сатирическая песенка...

— Блеск! — обрадовался молодой человек.— Кульбиты под песенку вертеть можно?

— Что?!

— Кульбиты! Понимаешь, я эксцентрик.

— Да? Счастливое свойство характера,— вежливо заметил поэт.

— Чудак, это не характер, а профессия! — обиделся молодой человек.— А вы вечно несете голую текстовщину... Ладно,— смягчился он.— Пошли к шефу. В крайнем случае повернешь текст на дрессированных собак.

Коридор бушевал. Молчал только один человек, сидевший на столе. Это был великолепный мужчина, одетый с той непостижимой, утонченной аристократичностью, с какой одеваются международные обозреватели и ударники из джазов. На мизинце, уминавшем табак в трубке, сиял квадратный перстень. Глаза мужчины были полузакрыты.

— Скажите, это не шеф? — спросил поэт.

— Это? — Эксцентрик пренебрежительно махнул рукой.— Песенный паразит!

— Паразит?

— Ну да, так их зовут. Паразиты, понимаешь, всегда имеют специфику: есть специальные куриные, есть коровьи, а этот паразитирует на песнях.

— И каким же образом?

— А очень просто. Выдирает из песни строчку и делает из нее рефрен для куплетов. Скажем, в песне поется, что только у любимой могут быть такие необыкновенные глаза. Он берет строчку и ищет «ходы». Всякое можно придумать. И про начальство и про стилягу. Или, к примеру:

Только у пропойцы могут быть такие
Необыкновенные глаза...

А песенный паразит, не раскрывая глаз, прислушивался к разговору двух упитанных людей в ярко-желтых пальто.

— Слушай, продаю два рефрена. Прима! Один — «Хо-хо-хо!», другой — «Вот так так!»

— «Вот так так!» — шикарный рефрен. «Хо-хо-хо!» не потянет.

— Это почему?

— Хохма. Развлекательщина. Шеф не *возьмет.*

— Не говорите,— тихо сказал пожилой *мужчина с тоскующими глазами, похожий* на прогоревшего врача-частника.— Я только что был у шефа.

— И что? — накинулись на бывшего врача *желтые.* Песенный паразит приоткрыл один глаз.

— Поворот на сто восемьдесят градусов! Сатиры боится. Берет только развлекательщину.

— Ну-ну?

— Да. Я принес репризу. Слушайте: «Куда это ведут лошадь? Перековываться. А что она сделала? Оборжала начальство». Не правда ли, смело?

— Ну! — серьезно сказал один из желтых.— Просто остро!

— Даже рискованно! — подтвердил второй.

— Так он и сказал.— Бывший врач понизил голос.— Нашел аналогию.

— А-а...— понимающе протянули желтые и отодвинулись.

Песенный паразит прикрыл глаз и сказал четким, красивым баритоном:

— Когда пишешь, нужно думать. Сатира не должна переходить в выпады. Вот так.

— Придется менять специальность...— не обращаясь ни к кому, скорбно сказал бывший врач и растворился в глубине коридора.

— Такие дела, брат,—сочувственно обернулся к поэту эксцентрик.— Ты лучше заходи с сатирической песенкой через недельку.

— Да, да. Через недельку будет поворот,— подтвердили желтые.— Шефа ударят за развлекательщину.

— Нет,— твердо сказал поэт.—Не приду я через неделью. Я лучше буду писать куплеты. Кстати, продаю шикарный рефренчик: «Ехала деревня мимо мужика». Пятнадцать ходов, и в конце мат.

— Так, так...— профессионально произнес один из желтых.— Ничего рефрен. Только зачем мат?

— Чтобы при случае повернуть на дрессированного бегемота.

— А-а!..— понимающе сказал другой.

— Бэ-э!..— ответил поэт, теряя остатки юмора.— Салютик, паразиты!

Уходя, расстроенный поэт попал не в ту дверь. И снова красивая девушка погрозила ему ногой.

Больше он в царство смеха не ходил. Песенка лежит у него дома. Если она комунибудь нужна, могу дать адрес. В конце концов, если поговорить серьезно, поэт, может быть, согласится повернуть песенку на кульбиты...

ТРОЕ С СОБАКОЙ И ГЕРЦОГОМ

…остая история трогает до слез. Пер… …стили слезу…

…ем, сначала коротко изложим со… …е истории.

…это шахтер Сэм Керраклаф, его …сынишка Джо. Собака Ласси при… …т этой семье. О герцоге мы ска… …же.

…т. Семья шахтера жила благопо… …Соединенном королевстве. Сэм …другими такими же счастливыми …ми добывал на копях много угля …л за свой труд много денег. А сы… …Джо играл со своей собачкой и …очень хорошую школу, где учи… …ие же счастливые дети счастливых …в.

…о и сказано в книжке Эрика Най… …я возвращается домой»:

…о Керраклаф, сын английского …ра, считал себя самым счастли… …мальчиком во всем Йоркшире, да …лько в Йоркширском графстве, но …елой Англии, а может быть, даже … счастливым на свете…»

…жо в известном смысле был даже …чем некоторые титулованные …

…ь поселок знал, что даже герцог …нг не может купить у Сэма Кер… …фа его Ласси… Герцог три года пы… …купить у Сэма Керраклафа его …но Сэм устоял.

…и к чему вам набавлять цену, ва… …етлость,— говорил он.— Цена пра… …ая, но собака не продается. Ни …кие деньги».

…м деле, за каким лешим Сэму …ь своего верного друга, если доб… …дельцы угольных копей дают ему …возможность жить, не стесняясь в …! Автор так и пишет:

…мьях был мир и лад, и еды на стол …лось вволю, ее хватало на всех».

…м, не жизнь, а масленица у этих …х шахтеров. И, конечно, обеспе… …шахтер показал герцогу кукиш.

…шахты закрыли. Сэм остался без … был вынужден продать собаку …Радлику, на первый взгляд зло… …ливому старику, но, как дальше …, человеку с золотым сердцем. …его умиления автор сунул в свою … ангела во плоти, внучку герцога Присциллу, которая удерживала дедушку, когда тот слишком уж бушевал и чертыхался.

В семью шахтера пришло уныние. Не столько из-за безработицы, сколько из-за продажи Ласси.

Но верное животное, презирая комфорт, убегало из герцогских палат в свое прежнее жилище. Ласси возвращали, а она снова давала стрекача. И герцогу, понятно, это надоело. Он довольно остроумно решил вместе с собакой купить… все семейство безработного шахтера. Вот как заключалась эта сделка:

«— Мой Сэм, собственно, еще не работает,— говорит жена шахтера,— но у него в виду три-четыре места… Но… он еще ни тут, ни там никому не сказал окончательно ни «да», ни «нет».

— Тогда пусть скажет «нет», да поскорей! — рявкнул герцог.— Мне нужен кто-нибудь на мою псарню. И я думаю, Керраклаф… вы кое-что — и даже очень много — смыслите в собаках. Так что так. Заметано… На этой работе мне нужны вы, и никто другой. Все!»

Этот суровый с виду, но бесконечно добрый в душе вельможа назначает Сэму жалованье вдвое большее, чем тот мог рассчитывать, отводит семье домик в своих владениях. И все довольны.

«Герцог видел, что получает к своим собакам человека, которому нет цены».

Прослезившаяся внучка сообщает дедушке, что он добряк. Но скромный герцог начисто отрицает свои добродетели.

«— Вздор! — проревел он.— Вздор! Когда ты вырастешь большая, ты поймешь, что я то, что люди называют «бесчувственный, расчетливый йоркширец». Три года назад я поклялся, что эта собака будет моей. И вот я ее получил… Только чтоб ее получить, мне пришлось купить и ее хозяина… Ну и хорошо! Это, пожалуй, не худшая половина сделки».

Кончается повесть картиной всеобщего благоденствия. Шахтер Сэм счастлив, сменив тяжкий труд в шахте на привилегированное положение герцогского псаря. Счастлива собака Ласси: ей больше не нужно никуда убегать. Счастлив мальчик Джо: кроме Ласси, у него есть новый друг, внучка герцога Присцилла. Счастлива мамаша Керраклаф в своем новом, уютном домике, где, кроме кухни, есть даже специальная комната для мытья посуды.

Вот какими яркими красками автор живописует возвращение Сэма домой во время обеденного перерыва:

«…Миссис Керраклаф вскакивала и, шумно захлопотав, кричала:

— Смотри! Вот и отец идет! А ну веселей — ставим на стол жаркое!

Она принималась бегать от очага к столу, меча из печи дымящиеся горшки и миски».

Вот и все. Как мы уже сказали в самом начале, эта история трогает до слез. Первыми пустили слезу в… Государственном издательстве детской литературы Министерства просвещения РСФСР и издали эту собачью историю в переводе Надежды Вольпин тиражом в 65 тысяч экземпляров.

Чудный подарок советским детишкам! Они неожиданно для себя узнают, что безработица в капиталистических странах и связанные с нею бедствия — все это враки. Если английский шахтер случайно остался без работы, его всегда выручат верные, добрые герцоги, маркизы и лорды, только с виду злодеи, в действительности же люди с отзывчивым, ангельски добрым сердцем. Попавшего в беду рабочего они быстренько возьмут к себе на псарню или еще куда, и он будет жить лучше прежнего. Ведь шахты закрываются лишь для того, чтобы безработные шахтеры могли спокойно на досуге подыскать для себя что-нибудь более подходящее. И уж, конечно, никакой классовой борьбы в таких условиях быть не может.

Е. ЦУГУЛИЕВА

Дидактик

Заумный

ЕСЛИ БЫ НЕКОТОРЫЕ АВТОРЫ ВЫГЛЯДЕЛИ ТАК ЖЕ, КАК ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Рисунки Э. ТАРУ (Румыния)

Сверхпсихолог

Автор книги без содержания

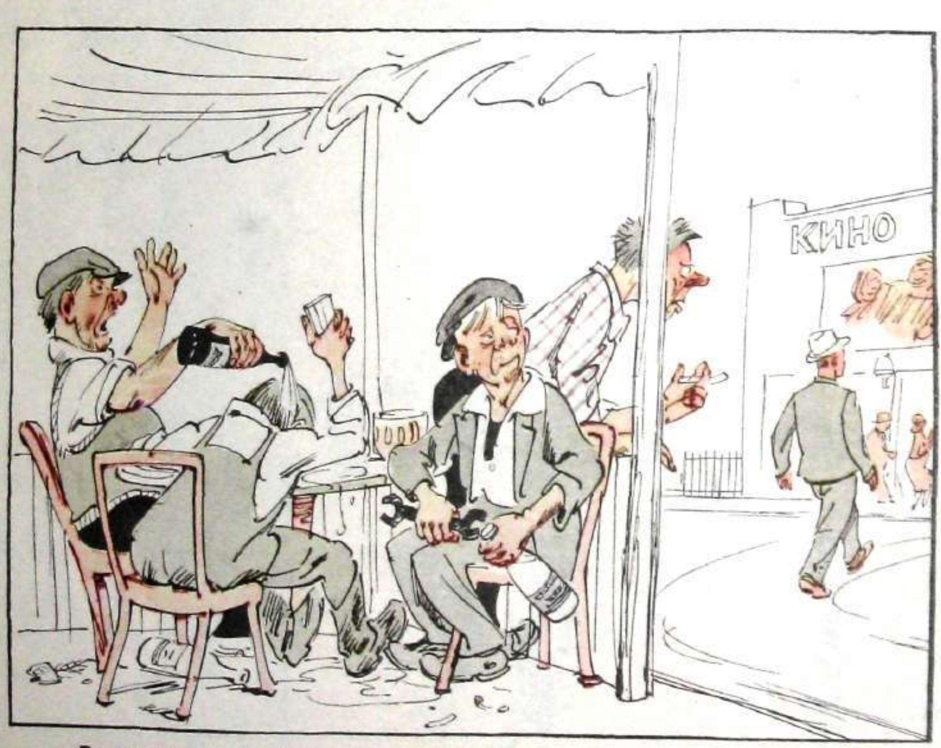

Сверхзоркий

— Что вы так высоко забрались?
— Трава глаза колет.
— Так скосите ее!
— А мы и смотрим, не едут ли к нам на подмогу!

Рисунок У. МЕЖАВИЛКСА из журнала «Дадзис» (Рига).

— Василий опять бригаду подводит: мы здесь, а он в кино пошел...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Юрий БЛАГОВ

Однажды создал Швейный Цех
Стандартное пальто,
Однако в ГУМе, как на грех,
Не взял его никто.

Потом в гастроли по стране
Поехало пальто,
Но и по сниженной цене
Не брал его никто.

Тогда, поняв, что дело — дрянь,
В утиль свезли пальто
И превратили снова в ткань
(В добротную зато).

Из этой ткани сделал Цех
Стандартное пальто,
Однако в ГУМе, как на грех,
Не взял его никто.

Потом в гастроли по стране
Поехало пальто,
Но и по сниженной цене
Не брал его никто.

Тогда поняв, что дело — дрянь... и т. д.

•

А МЫ ВСЕ СТОИМ...

Что делать после смены? Идти домой? Заниматься общественной работой? Увлекаться художественной самодеятельностью?

На иных предприятиях так, наверное, и поступают. Не то у нас, в автоколонне № 53 Пензенского облавтотреста. Мы после смены стоим в очередях. Нет, не за безразмерными носками, а за... бензином для заправки автобусов.

В Пензе, наверное, не осталось ни одной сколько-нибудь влиятельной инстанции, которой были бы неведомы наши беды. И в горкоме партии, и в облпрофсовете, и в Пензенском облавтотресте отлично знают, что единственная дряхлая бензоколонка, которая есть у нас, не может обеспечить заправкой даже трети автобусов колонны.

Потому и образуются очереди. Потому шоферы опаздывают домой на три-четыре часа ежедневно, а иногда даже ночуют в гараже.

— Все будет в ажуре,— заявил нам в апреле этого года управляющий Пензенским облавтотрестом тов. Томилин.

— Дам указание установить колонку,— пообещал управляющий Пензенской облнефтебазой тов. Прохоренко.

Воспрянули мы духом, возрадовались. И зря. Бензоколонки до сих пор все нет как нет.

А мы так и стоим в очереди за бензином.

Шоферы автоколонны № 53
АГЕЕВ, БОНДИН, КУЗНЕЦОВ, МАЛЬЦЕВ
и другие — всего 19 подписей.

г. Пенза.

Могила внука

Дружба советского и югославского народов скреплена кровью, пролитой в борьбе против общего врага — гитлеровских захватчиков. Югославские писатели верны памяти павших героев. В рассказе известного писателя Бранко Чопича, который мы сегодня публикуем, печаль перекликается с доброй, задушевной улыбкой.

Старик и бабка медленно поднимаются по каменистой тропе к вершине, затерявшейся среди отрогов мощной горной гряды, и беззлобно переругиваются. В сущности, они скорей по привычке продолжают свой давний спор, начатый много лет назад.

— Ну, ладно, будь по-твоему, опять сегодня идем к твоему внуку, а ведь уж, слава богу, второй раз в этом месяце,— укоризненно причитает бабка.

— А как топчемся около твоего внука по два дня подряд, так ты ничего не говоришь!— с раздражением отзывается старик.— Лишний шаг шагнешь и то потом припомнишь.

— Ладно, ладно, будь по-твоему, ты всегда прав.

Старик — длинный, сухопарый, костлявый, сукастый горбыль — словом, вековечный старик, один из тех, кого и смерть осторожно обходит стороной. Только рукой махнет и, кисло сморщившись, проворчит: «Пропади он пропадом! Об такого только зря косу затупишь!»

Бабка, наоборот, этакое кроткое, смиренное существо, клубок доброты, такая всегда встретит ласково, по-родственному, так, что потом никогда ее не забудешь.

Карабкаются они вверх сквозь кустарник, по каменистой тропе, а повсюду вокруг них бунтует и куражится пьяная осень: это по ее прихоти леса перекрасились в багряные и желтые тона, кровью зарделись кусты виноградников и полысели еще вчера буйно шумевшие кроны орешника. И только цепь вершин горного хребта Грмеч осталась по-прежнему голубовато-зеленой, неподвластной осени и ее краскам.

— Торопись, торопись, переставляй свои ходули! Думаешь, он убежит? — сопит низенькая бабка и, стараясь не отстать, карабкается вслед за стариком.

— Ты о своем беспокойся, а моего оставь в покое,— пыхтит старик.

Ссора между ними началась еще где-то с весны сорок третьего года, после четвертого вражеского наступления. И вот по какому поводу.

Их внук Мачан, один из пулеметчиков Шестой крайинской бригады, погиб как раз где-то здесь, на этой земле, отбивая атаку врага, рвавшегося к Грмечу. В ту проклятую ночь в неразберихе, начавшейся, когда части Шестой и Второй крайинских бригад дрались с немцами и легионерами уже на самых подступах к горному хребту, за которым скрывались партизанские госпитали, пулеметчик Мачан погиб и был похоронен, но где — никто не запомнил точно. Одни говорили, что это случилось совсем внизу, возле шоссе, когда храбрый парень прикрывал уходившую в лес колонну беженцев, а другие — что это произошло наверху, на выступе скалистой вершины, сплошь заросшем терновником, когда начался прорыв немцев в направлении центрального партизанского госпиталя.

И то и другое могло быть правдой. Среди многих могил, разбросанных на участке между шоссе и горной грядою, выделялись две: одна почти у самого шоссе, возле белого горбатого камня, а другая, тоже одинокая, на выступе скалистой вершины, ближе к горному хребту.

— Там мой Мачан, на самой вершине скалы,— с печальной гордостью твердил старик.— Я его хорошо знаю, на то и сокол, чтобы летать высоко.

А старая, останавливаясь всякий раз с грустной материнской улыбкой у шоссе, возле омытого дождями горбатого камня, наполовину скрытого за кустом дикой розы, спокойно объявляла:

— Тут отдыхает мой родной Мачо, уж я-то знаю.

Ни старику, ни старухе, разумеется, и в голову не приходило раскапывать могилы и тревожить покойников. Пусть будет как есть, пусть остается каждый там, где подкосила его пуля. Все они защищали родимый Грмеч, и любое место возле него хорошо для могилы — чай не на чужбине, а на родной стороне.

— Да разве мог мой милый Мачо уйти раньше, чем ребята малые укроются в горах? — убеждала старушка.— Он именно тут остался, и тут настигла его суженая и последняя. Что поделаешь, разве он мог поступить иначе?

— Да, да, таким же был и наш... и мой Мачан. Такой не допустит, чтобы он спасся, а кто-то другой остался там, наверху, на скале, на погибель! Нет, старая. Он там, наверху, остался, лицом к лицу с немцами. Возле могилы я целую торбу винтовочных гильз насобирал. Моя кровь, я сразу определил.

— Твоя, твоя,— бормочет старуха.— Знаю я тебя уже сорок лет... Слава богу, милый мой Мачо был не такой, как ты, ласковее. Как взгляну на могилу возле шоссе, будто мне шепнет кто-то: тут он.

Однажды утром взял старик заступ и, не говоря ни слова, отправился к скале. Бабка долго смотрела ему вслед, но ни о чем не спросила, так как знала, что все равно не получила бы ответа, а когда закончила свои утренние хлопоты по хозяйству, и сама двинулась вслед за стариком. Нашла она его на выступе у самой вершины скалы. Старик расчищал низкий терновник вокруг партизанской могилы, собираясь обнести ее стенкой из валявшихся поблизости камней.

— Что это ты делаешь?— удивилась старая.

— А тебе что за забота! Ты о своем внуке заботься, а здесь мой Мачан,— грубо пробурчал старик.

— Ну что ж, не останется, слава богу, и моя детка без пригляда. Ты ведь и всю жизнь-то не бог весть как заботился о моей родне, не станешь утруждаться и на сей раз.

На следующее утро договорилась старая с одним из соседей, что поставит он вокруг могилы возле шоссе ограду из белых березовых колышков. К великому удивлению старика, но по бабкиному плану в ограде оказался и тот самый горбатый камень с кустом дикой розы.

— Хе, словно тут какая-то девчачья могила! — с неодобрением заметил старик.— Будет тебе пулеметчик на цветы глядеть.

— Может, твой и не глядел, а мой Мачо любил розы,—смиренно отвечала старушка.

Так изо дня в день продолжался этот подетски наивный, стариковский спор, причем не уступала ни та, ни другая сторона до тех пор, пока однажды старушка не спросила, так, вроде бы мимоходом глядя куда-то в угол:

— А что, если я нашу маленькую скамейку перенесу туда и поставлю в ограде? Будет где женщинам посидеть, отдохнуть.

Старик, потупившись и даже не спросив, какую ограду она имеет в виду, сразу согласился, будто давно уже и сам об этом думал.

— Переноси, старая, чего ждешь. Простыть ведь можно, сидя там на голой земле.

— Когда это ты там сидел?— удивилась бабка.

— Гм... сидели люди, почему именно я?— Пытаясь скрыть смущение, старик засуетился, вроде бы занятый каким-то делом, но вскоре через настежь открытые двери донесся его уже спокойный голос: — Послушай-ка, а когда можно пересаживать эти наши розы?

— Ты не беспокойся, я уж сама думала,— с готовностью отозвалась бабка.— Как время придет, захватим семена и корзинку черной землицы и отнесем наверх, туда, к твоему.

Так по молчаливому согласию стали старик и бабка вместе ухаживать за обеими партизанскими могилами. Каждый из них по-прежнему не уступал в споре о том, где настоящая могила их внука, но ведь и другую тоже нельзя было бросить без присмотра. Ведь и в ней осталось что-то от их внука, а даже если и не осталось, все равно и в ней лежит один из наших, одинокий, неизвестный.

— И ему ведь приятно, если его навещают,— как-то по простоте душевной сказала старушка.

И вот ковыляют друг за другом по горной тропе два одиноких старых человека и, конечно, не без этого, нет-нет да и поворчат немножко — ведь живые люди.

— И куда этот твой залез так высоко?! — причитает бабка.— Что ни говори, а проведать мое милое дите куда легче.

А сама упорно карабкается вверх по каменистой тропе, стараясь не отстать от своего длинноногого старика...

Перевел с сербско-хорватского В. КАРЦЕВ.

Лицо боннской юстиции.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

НА КИТАЙСКОЙ КУХНЕ

Нравится ли вам китайская кухня? Мне — да. И не только мне. Почти в каждом крупном городе мира есть китайский ресторан, в котором от посетителей отбоя нет. Что и говорить, китайские повара — настоящие мастера своего дела.

Но за последнее время на горизонте процветающей китайской кулинарии обозначились грозные предзнаменования. Племя умелых людей в белых колпаках ожидают большие неприятности. Больше того, вся их хлопотливая деятельность у раскаленной плиты и начищенных до блеска кастрюль поставлена под сомнение.

Вот еще один факт быстротекущей общественной жизни: у китайской кухни появилась мощная оппозиция. И возникла она, как это ни странно, на китайской почве. Да-да, именно сами китайцы предают анафеме все соблазнительные изделия отечественных кулинаров.

Оппозицию на сегодняшний день возглавляет китайский молодежный журнал «Чжунго циннянь». Именно он, этот журнал, поместил недавно статью «Отмежеваться от буржуазного эпикуреизма», в которой подверг безжалостному остракизму:

а) курятину,
б) мясо,
в) рыбу,
г) утку,
д) трепанги,
е) акульи плавники.

Журнал пишет, что хотя все эти вещи и «приятны на вкус, однако... нам они не только не могут доставлять громадного удовольствия, мы не только не заримся на них, но даже не можем чувствовать их вкуса».

Вот ведь какое несчастье приключилось с автором статьи Гань Фэном: кушает человек острый, как огонь, куриный соус, обсасывает нежные плавники молодой акулы — и никаких приятных вкусовых ощущений. Будто во рту у него клок позапрошлогодней ржаной соломы!

Что с ним? Любезный автор поясняет: оказывается, полная атрофия вкуса происходит у него в те моменты, когда он задумывается над тем, что «2/3 трудящихся всего мира все еще живут в порабощении у империализма и реакции различных стран, все еще испытывают страшные невзгоды и влачат рабское существование».

Теперь мы знаем, где собака зарыта! Гань Фэн стал никуда не годным едоком на социально-экономической почве. Он воротит нос от обеденного стола из-за своей стопятидесятипроцентной классовой солидарности. Как вспомнит человек о гидрах и темных силах, так глаза бы его не глядели на жареного цыпленка, заклюй его коршун!

Трудно сказать, известно ли это редакции журнала «Чжунго циннянь», но, по нашим сведениям, даже сверх-экстра-ультра-р-р-революционеры не обходились без трехразового питания. А как же Гань Фэн? Он что же, не ест, не пьет, а только думает о 2/3 человечества? Нет, оказывается, он тоже иногда закусывает, но только грубой пищей. «Разве не вкусна и грубая пища, когда ты живешь вместе с широкими массами трудящихся? — спрашивает Гань Фэн. И добавляет: — Этого не могут понять представители буржуазного эпикуреизма».

Вот это добавление все и объясняет.

Нет, Гань Фэн и не рассчитывает убедить в чем-нибудь своих читателей. Они достаточно разумны и хорошо разбираются в том, где истина, а где ложь и фарисейство. Они не поверят, что если человек питается хорошо, то это плохо, а если живет впроголодь, то это хорошо.

Нет, не о «2/3 трудящихся всего мира» думал автор, когда писал свою статью, а о представителях «буржуазного эпикуреизма». Где же он нашел их? Конечно, у нас, в Советском Союзе!

В антисоветской стряпне, которой пичкают сейчас китайские газеты и журналы своих читателей, есть и такое блюдо — буржуазный эпикуреизм. Если мы заботимся об улучшении материального благосостояния, если трудом своим создаем лучшие условия жизни,— значит, мы не революционеры, а эпикурейцы! Ради того, чтобы доказать это, чем не пожертвуешь! Даже акульими плавниками!

Прямо скажем: блюдо, изготовленное журналом «Чжунго циннянь», получилось явно несъедобным. Но что поделаешь, когда нет под руками доброкачественных продуктов?..

Куда ни кинь, а китайская кухня и на самом деле переживает серьезный кризис.

М. СЕМЕНОВ

На западном спортивном рынке все имеет свою рыночную цену: секунды, килограммы, метры, удары. И, как на всяком рынке, продавец старается подороже сбыть свой товар. Тут уж не до спортивной этики.

Наша газета «Крокодейли спорт», конечно, преподносит спортивную информацию в обычном крокодильском стиле, но все до одного факты, приведенные в ней, подлинные.

Крокодейли спорт

НЕСПРАВЕДЛИВОЕ РЕШЕНИЕ

Пять игроков команды «Детройтские львы», входящей в Американскую бейсбольную лигу, дисквалифицированы и оштрафованы за то, что делали крупные денежные ставки на команды, участвующие в розыгрыше первенства лиги.

Решение это, безусловно, войдет в анналы спорта как в высшей степени несправедливое. Ведь никто из игроков не делал ставки на свою команду, то есть на самих себя. Наоборот, они ставили против себя, а если и проигрывали, то должен же человек как-то утешиться, хотя бы честно заработанными на тотализаторе долларами.

Некоторые утверждают, что игрок не станет выигрывать, если ему выгоден проигрыш. Но такие утверждения — явное поползновение на свободу действий игрока. А без свободы действий спорт перестает быть спортом.

Монах становится тореадором

После восьмилетнего пребывания в капуцинском монастыре испанский монах Джеральд дос Пальмос решил стать тореадором. Недавно он успешно выступил в корриде в городе Квинтар де ла Орден, покорив своей храбростью публику.

Монахи из монастыря, где нынешний тореадор много лет работал на кухне и пугал иногда товарищей странными взмахами полотенца, утверждают, что перемена профессии отца Джеральда продиктована откровением свыше.

Сам тореадор заявил, что он не отступился от веры и будет убивать быков во славу божью. Он прибавил, что выходит на арену один на один с быком, чтобы «искупить грехи человечества».

Не исключено, что примеру отца Джеральда последуют другие монахи и монастыри вполне смогут стать неисчерпаемым резервом кадров тореадоров, боксеров, хоккеистов, борцов и даже

слаломистов. Чего не сделаешь, чтобы искупить многочисленные грехи рода людского!..

ХРОНИКА

Приятно заметить, что в последнее время продажа отдельных игроков перестала быть единственной формой пополнения баскетбольных команд США. Недавно газеты сообщили о том, что баскетбольная команда «Сиракуз нэшилз» была продана целиком, в полном составе. Новый владелец пока предпочел остаться анонимным.

Английская теннисистка Маргарет Гринвуд заявила, что упавшая с ее бедер юбка во время матча на первенство графства Сэррей помогла ей одержать победу. Мисс Гринвуд, оказавшись *в не предусмотренной регламентом форме*, вынуждена была отправиться переодеться и тем самым получила необходимый ей отдых.

Бейсбольная команда города Цинциннати пожаловалась, что во время матчей в Нью-Йорке ее игроков систематически осыпают с трибун мусором. Представитель команды заявил, что игроков удручает такое однообразие.

Велосипедисты ломают свои машины

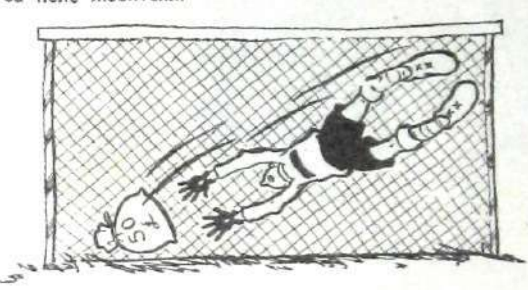
Французские спортивные врачи, собравшиеся недавно в городе Юрьяж-ле-Бен, подробно обсудили проблемы допинга, то есть сильных наркотических и иных возбуждающих средств, применяемых спортсменами для кратковременного взбадривания. Выступавшие единодушно осудили употребление *всех* видов допинга, среди которых есть такие сильнейшие яды, как стрихнин, и указали, что применение его зачастую приводит к смерти и инвалидности.

В частности, указывалось, что во время недавних гонок группа велогонщиков после принятия допинга принялась крушить свои велосипеды, выкрикивая нечто нечленораздельное.

Однако хозяева спортивных «конюшен» настроены категорически против запрещения допинга. В конце концов, заявляют они, силы и здоровье спортсмена — это его собственный капитал. И как всякий владелец капитала, он вправе распоряжаться им по своему усмотрению.

Честный вратарь

Моральный уровень некоторых английских футболистов находится на плачевно низком уровне. Это известно уже давно. Но мало кто отдает себе отчет, что даже в моральном падении профессионал заткнет за пояс любителя.

Когда Эсмонду Миллайону, двадцатипятилетнему профессиональному футболисту команды «Бристоль Роуверс», предложили триста фунтов стерлингов за *обеспечение проигрыша* его команды в матче с командой «Брэдфорд», он, не задумываясь, согласился.

Эсмонд приложил все усилия, чтобы втолкнуть пару мячей себе в ворота. Но его же собственная команда подложила ему свинью: она провела два ответных мяча и свела игру вничью — 2 : 2. Вратарю пришлось вернуть заказчику пятьдесят фунтов стерлингов, полученных им авансом.

РЕКЛАМНЫЕ ТРУСЫ

Каждая нога знаменитого французского велогонщика Жака Анктиля — это клад для фирм, желающих хорошо разрекламировать свой товар. Но поскольку до сих пор гонщики еще не дошли до того, чтобы им вытатуировали рекламу на коже, особое значение приобретают трусы.

Анктиль так знаменит и каждый квадратный сантиметр его трусов стоит так много, что ни одна фирма не может позволить себе роскоши целиком заполнить их своей рекламой. Поэтому-то правая половина трусов Анктиля рекламирует известные аперитивы (которые сам Анктиль, кстати, не пьет, предпочитая шампанское), а левая — сигареты «Житан».

СПОРТИВНЫЕ СТРАСТИ В ГЛАЗГО

Полиция берет корабль на абордаж

Футбольные страсти бушуют в шотландском городе Глазго главным образом на религиозной основе. Болельщики «Глазго рейнджерс» — это протестанты, болельщики «Глазго сельтикс» — католики. Не мудрено, что когда на стадионе в Глазго видят человека, который аплодирует и той и другой команде, никто не сомневается, что он атеист.

Перед очередным матчем команд полиция приняла самые жесткие меры предосторожности, обыскав всех болельщиков, протестантов и католиков, на предмет изъятия у них пустых бутылок и другого холодного оружия.

Матч прошел более или менее спокойно, тем более что счет игры был ничейным — 1 : 1. Однако *после игры религиозные* фанатики футбола, возвращаясь домой, устроили чудовищную потасовку на пароходе «Айриш Кост». Капитан немедленно послал сигнал бедствия *по радио. Полиция,* прибывшая на катерах, взяла корабль с болельщиками на абордаж и после ожесточенной схватки установила в ковчеге относительный мир.

ПЛОВЧИХУ СУБСИДИРУЮТ КОНТРАБАНДИСТЫ

Мэри Ревелл находит неожиданную финансовую поддержку

Американская пловчиха на длинные дистанции Мэри Маргарет Ревелл долгое время не могла собрать достаточно средств для снаряжения сопровождающей лодки и тренера. Однако в последнее время она нашла поддержку сразу с нескольких сторон.

Вначале ее согласился финансировать «Национальный чайный комитет». Он, разумеется, поставил условием, чтобы пловчиха во время заплывов пила чай только тех фирм, которые входят в этот комитет. Пловчиха, конечно, согласилась. В конце концов было бы труднее, если бы какая-нибудь граммофонная фирма предложила ей во время заплыва привязать к спине проигрыватель с дюжиной пластинок.

А недавно, когда мисс Ревелл предприняла попытку переплыть Гибралтар, сопровождающая лодка и экипаж были любезно предоставлены местными контрабандистами. В отличие от чайной фирмы они не потребовали от пловчихи, чтобы она их широко рекламировала. Возможно, вместо этого они хотели выяснить, нельзя ли наладить доставку контрабанды не на лодках, а вплавь...

— Опять ты проигрался!..

Рисунок М. БИТНОГО

— Заходите вечерком! У нас тут бывает шумно, весело...

Рисунок В. ПОЧЕЧУЕВА

Автотурист.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Скажите «А»!
— Бе-е...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Господи! Неужели эти окаянные работают у вас?
— Нет, мы из их кожи делаем детские костюмы...

Рисунок С. КУЗЬМИНА

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Билл, что тебе сказал доктор?
— Чтобы я меньше ел.
— Ты его послушался?
— Сначала нет, но когда он прислал счет за визит, пришлось послушаться.

* * *

— Говорят, ты женился?
— Да. Познакомился с дочерью миллионера. Она похвасталась, что тратит по три тысячи долларов в год на одни платья.
— Ну, и как вы с ней живете?
— При чем тут она? Я женился на ее портнихе.

* * *

Жилец последнего этажа жаловался хозяйке:
— Почему вы повысили мне плату, ведь я живу в этой несчастной комнатке на последнем этаже?
— Но, дорогой сэр, вы больше всех пользуетесь лестницей.

* * *

— Я видел во дворе твоего сына. Он похож на древнегреческую статую.
— Ты имеешь в виду его мускулы?
— Нет, его разбитый нос.

* * *

— Кем бы ты хотел стать?
— Автоматом, потому что он ничего не делает, только получает деньги.

* * *

— Скажи, сын, какой предмет тебе больше всего нравится в школе?
— Звонок.

* * *

— Я слышал, твои соседи живут, как два голубя.
— Да, то один вылетает в окно, то другой.

* * *

— Замужем? — спросил судья.
Свидетельница вздохнула.
— Не замужем,— продиктовал судья секретарю.
— Женаты? — спросил судья другого свидетеля.
Свидетель вздохнул.
— Женат,— продиктовал судья.

* * *

Врач: — Вы послушались моего совета против бессонницы?
Пациент: — Да, досчитал до 37 677.
Врач: — И уснули?
Пациент: — Не успел, пора было вставать!

●

Александр ЛАЦИС

У НЕГО СПОКОЙНА СОВЕСТЬ...

У него спокойна совесть,
Обсуждал вчера он повесть.

Тщательно жевал железо
Осторожных слов.
Первым выступать не лез он,
А вторым — готов.

Длительно долбил железо,
Сколько было сил.
С мнением своим не лез он,
А с чужим — спешил.

* * *

У него спокойна совесть:
Не читал он эту повесть.

Отклики и реплики

Обласкали...

В Крокодиле (№ 17) был помещен фельетон «Калеки и калекши». В нем говорилось о возмутительном поступке выпускников Новосибирского инженерно-строительного института, комсомольцев Медведева и Ходеева. Медведев и Ходеев в 1962 году получили дипломы архитекторов и направление на работу в город Иркутск. Дипломы они на всякий случай решили приберечь, а от работы в Иркутске отбиться любыми способами. И направили в Иркутск вот такое письмо: «Работать по специальности «архитектор» не желаем. Специалисты из нас никудышные. Поэтому, чтобы не быть вам в тягость, откажитесь от нас заранее».

А затем начались чудеса. В том же 1962 году столь постылая профессия начинает нравиться Ходееву и Медведеву. И они устраиваются в городе Фрунзе, в институте «Киргизпромпроект».

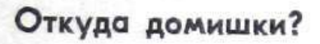
В Новосибирском инженерно-строительном институте ректорат и общественные организации обсуждают и строго осуждают поступок Медведева и Ходеева, выносят решение лишить их дипломов.

Совет Новосибирского института направляет «Киргизпромпроекту» просьбу немедленно уволить Медведева и Ходеева и направить их в институт «Гипролестранс» в Иркутск. При этом новосибирцы вполне резонно ссылались на постановление о правилах устройства на работу молодых специалистов.

А фрунзенский «Киргизпромпроект», словно забыв об этом постановлении, решил остаться непреклонным. Не отдадим Медведева с Ходеевым — и все! А чтобы както оправдать свой отказ, фрунзенцы написали своим новосибирским коллегам следующее: «Руководство архитектурно-строительного отдела института «Киргизпромпроект» считает своим долгом заявить, что если бы все молодые специалисты-архитекторы, оканчивающие наши высшие учебные заведения, обладали б такими знаниями и способностями, как выпускники Новосибирского инженерно-строительного института тт. Медведев Ю. и Ходеев Б., то, кроме благодарности профессорско-преподавательскому составу, готовящему таких специалистов, ничего сказать нельзя. Начальник архитектурно-строительного отдела — А. Капитан, главный архитектор института — А. Корженко».

Одним словом, обласкали в «Киргизпромпроекте» архитекторов-дезертиров, подбодрили:

— Давайте и впредь действуйте так же!

Откуда домишки?

С таким вопросом обратился Крокодил в № 17 к киевским областным организациям. И неспроста. В окрестностях Киева выросли сотни собственных особняков, а на какие доходы они воздвигнуты, не интересовались ни местные советские органы, ни общественность, ни прокуратура.

На вопрос Крокодила ответил заместитель заведующего отделом ЦК КП Украины тов. Бибиков. Проверкой установлено, что ряд особняков действительно построен на нетрудовые доходы, однако Ирпенский горисполком плохо организовал работу по выполнению указа «О безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы» и не привлекал к этому важному делу общественность.

После выступления журнала лед тронулся. Упомянутые в фельетоне Красавин и Ковальчук признаны «недобросовестными» застройщиками, и дело на них передано в суд. Дом гр. Фукса по решению судебных органов был изъят еще в 1961 году, но не был своевременно принят на баланс горсовета. Теперь Фукс не является больше домовладельцем, дом у него отобран. С помощью общественности выявляются и другие лица, построившие дома на нетрудовые доходы.

Начальник «ДСУ-3» тов. Барингольц сообщает, что шофер Овсиенко за пользование государственной автомашиной на строительстве собственного дома уплатил в кассу 50 рублей и, кроме того, получил строгий выговор. Что ж, поделом ему: любишь кататься — люби и саночки возить!

Ответ в редакцию прислал и прокурор Киевской области тов. Осипенко. Но чего-либо нового к предыдущим ответам он не добавляет. А жаль! Именно от прокурора и хотелось услышать, каким образом удалось, например, бывшему начальнику Боярской милиции Иванову продать свой недостроенный особняк. Какие меры приняты к работникам Киево-Святошинского райисполкома, поощрявшим спекуляцию домами и разбазаривание земельных участков?

Как видим, вопрос с домишками несколько прояснился. Но не полностью. Дело теперь за прокуратурой и судом.

— Не позорь мои седины, мама!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

ПЛАКАТ художника Ю. Федорова, который вы увидите на последней странице этого номера, вошел в очередную вторую серию плакатов Крокодила на сельскохозяйственные темы. Авторы остальных девяти плакатов — художники Г. Андрианов, А. Елисеев и М. Скобелев, В. Жаринов, С. Кузьмин, Е. Мигунов, Е. Щеглов. Стихотворный текст поэтов Ю. Благова и А. Внукова.

«РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬ!» — вновь, в восьмой раз сказал читателям Крокодил, пополнив свою Библиотеку еще одним сборником произведений молодых сатириков и юмористов.

«МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ» восемнадцати авторов составили сборник Библиотеки Крокодила, посвященный памяти Эмиля Кроткого.

«ПЕРВАЯ СБОРНАЯ» — первый сборник сатирических и юмористических стихов Андрея Внукова и Николая Князева. Включен в ту же Библиотеку.

«ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА» читателей с молодыми сатириками и юмористами состоялось в одноименной книжке Библиотеки белорусского «Вожыка».

«ВЕЖЛИВОСТЬ — ХОРОШАЯ ВЕЩЬ». Кто в этом сомневается, пусть прочтет фельетоны Г. Келбакиани, пополнившие Библиотеку нашего грузинского собрата «Нианги».

«ВЕСЕЛЫЙ ХАРАКТЕР» вновь проявил С. Смирнов, собрав воедино короткие басни, эпиграммы и литературные пародии разных лет. Издатель сборника — «Советская Россия».

«ЗАГАДКУ ПРИРОДЫ» раскрыл в новой книге фельетонов Б. Протопопов при содействии того же издательства.

«ЧУДЕСА БЕЗ ЧУДЕС» показывает в новом сборнике юмористических рассказов и фельетонов Ю. Золотарев. Показ организован издательством «Советский писатель».

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 08153 Изд. № 1104 Подписано к печати 29/VIII 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 2091 1 бум. л.— 2.74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436

33

ГОНИ ШАБАШНИКА-РВАЧА,
ПРОЖОРЛИВ ОН, КАК САРАНЧА!

СТИХИ Ю. БЛАГОВА
ХУДОЖНИК Ю. ФЕДОРОВ